

Ф.Е. МЕЛЬНИКОВ

ОТЦЫ И ДЕТИ

(О борьбе верующих отцов с неверующими детьми)

Исидор Пантелеевич Коробов был многосемейный человек: у него было пять сыновей и четыре дочери. Старшему сыну Юре было тринадцать лет, а старшей дочери Ксении — двенадцать лет, когда он задумал отдать их в местные учебные заведения: сына — в реальное училище, а дочь — в гимназию. Сам «Пантелеич», как все звали Коробова в посаде, где он жил и имел бакалейную торговлю, не проходил никакого училища. Дедушка его, о котором он вспоминал всегда с благоговением, выучил его дома читать и писать, а считать он приучился в лавке: больше на счетах, но знал и правила четырех арифметических действий. Славянские книги он с детства читал бойко. Бывало в церкви было все за ним: и кафизмы, и Пролог, и каноны. И теперь, в праздничные дни, он любил прочесть в церкви Апостол или поучение. Читал он внятно и плавно, без запинок, точно плыл на лодке по течению реки. Но гражданская грамота плохо ему давалась: мало он читал с детства светской литературы, а газеты и совсем не брал в руки. Уже сделавшись значительным торговцем, он вынужден был выписать местный губернский листок, но читал его неохотно и то только по праздникам или когда скажут ему, что в газете есть крупные новости. Детей же своих Пантелеич решил обучить светским наукам. Старших он дома выучил чтению и письму: на дом приходил уставщик и учил их этим начаткам знания. Жена Пантелеича, Ирина Васильевна, находила, что Юра и Ксения достаточно грамотны и противилась желанию мужа дать им школьное образование.

— Чего доброго они научатся там, — говорила она мужу иногда со слезами на глазах, — только одному баловству. Вон посмотри, что вышло из твоих племянников: пять лет учатся в этой школе, а стоят в церкви за крылосом — читать не умеют, а ты вот никакой школы не проходил, а тебе первое место на крылосе. Выйдешь читать, все удивляются твоему образованию, а у меня дух радуется. Под ногами и пола не чувствую от радости.

Пантелеич, бывало, только улыбнется на такую похвалу жены, но стоит на своем — детей нужно обучить наукам. «Юра, — думал он, — и теперь хорошо читает в церкви, дома и газеты разбирает, а тогда — совсем будет развитой парень: будет помощником в торговом деле и в хозяйстве. Племянники не умеют читать в церкви по родительской вине: не приучили их к этому с детства, вот они и стоят за крылосом».

— Вот и наши соседи Ахремовы образовали своих детей, а что толку из них, — продолжала урезонивать своего мужа Ирина Васильевна, — у дочери никакого почтения нет к матери, а сын табак курит: не нашел чем лучшим питаться, как дымом. А вонница какая от него, пройти около него срамно. А дела никакого не знает: отец жалуется, что сын и в лавку не заглядывает.

Приводила Ариша, как звал свою жену Коробов, и другие доводы, чтобы убедить мужа в бесполезности и даже опасности обучения детей светским наукам. Но все было напрасно. Пантелеич не возражал жене, но гнул свою линию. Он твердо решил отдать Юру и Ксению в учебные заведения, надеясь сам следить за их воспитанием и обучением.

В день, назначенный для поступления детей в училища, Пантелеич проснулся весьма рано. Он долго молился пред иконами, у которых ярко горели лампы; затем распорядился пригласить в дом священника и совместно с ним отслужил Господу Богу напутственный молебен, дабы Господь благословил начинание детей «хотящих учиться». За молебном молилась вся семья и все служащие Пантелеича. По окончании молебна священник, о. Григорий, благословил Юру и Ксению и пожелал им успеха в учении. «Берегитесь соблазнов, — предостерегал он их, — не дружите с плохими учениками, не усваивайте дурных привычек и слушайте своих родителей во всем». Нужно заметить, что о. Григорий не сочувствовал поступлению детей Пантелеича в светские школы. Так же, как и Ирина

Васильевна, он видел в светском образовании одну только пагубу. Пробовал он было отговорить Исидора Пантелеича от его решения — отдать детей в науку, но успеха не имел. Он и теперь, отслужив молебен, сказал за чаем Коробову: «не ошибиться бы тебе, Исидор Пантелеич: дело это рискованное и опасное».

Юру приняли в 1-й класс реального училища, а Ксению — в 1-й класс женской гимназии. Дети Пантелеича учились хорошо. Отец следил за их поведением, часто расспрашивал их об уроках, что они учат, каковы их преподаватели. Любил слушать бойкие ответы детей по Закону Божию. При чтении молитв он поправлял их, разъяснял им, что бывший в России двести пятьдесят лет тому назад патриарх Никон испортил богослужебные книги. Он, например, выбросил в Символе веры слово «Истиннаго» в применении к Духу Святому, а его непременно читать нужно. Сказано же в символе о Боге-Отце и Боге-Сыне: «Бога *Истинна* от Бог *Истинна*», нужно также и Бога-Духа Святого исповедывать *Истинным*. Пантелеич хорошо был знаком с богослужебными книгами, лучше никонианских законоучителей разбирался в текстах, и поэтому авторитетно внушал детям, как нужно читать молитвы по-настоящему, по-церковному, по верному тексту. Дети чувствовали авторитет отца в этом деле и охотно исполняли его указания и поправки. Они в классе сами разъясняли своим товарищам, как нужно правильно читать церковные молитвы. Ксения даже самому законоучителю заявила на уроке, что неправильно «православные» читают символ веры без слова «Истиннаго». — «На греческом языке этого слова нет», — разъяснил ей законоучитель. — «А почему нет?» — бойко спросила ученица. И законоучитель не нашелся, что ответить на этот детский вопрос.

Так прошло три года. Отец радовался успехам детей, примирилась и мать с их обучением в светских училищах. Она, бывало, заслушивалась, когда они за вечерним чаем или после обеда в праздники рассказывают отцу уроки по священной или церковной истории. По-прежнему дети ходили вместе с родителями молиться в церковь, по-прежнему Юра охотно читал на клиросе. Отец гордился своим сыном и любил похвалиться им перед своими знакомыми.

Но на четвертый год мать стала замечать, что поведение детей как будто бы изменилось, особенно сына. Стало трудно посылать его в храм за богослужение: вместо церкви он уйдет к товарищам. На вопрос отца: «почему не был за обедней?» он всегда находил оправдание: то ему нужно было совместно с товарищем решить какую-то головоломную задачу, заданную учителем к сроку, то участвовать в экскурсии, то быть у преподавателя в назначенные последние часы. Отец верил сыну и особенно не настаивал, чтобы он не пропускал церковную службу. Но материнское сердце чувало, что с детьми творится что-то недоброе. Ирина Васильевна замечала, что они нередко садились за стол не молясь, пили и ели не крестясь. Когда она им внушала, что по христианскому закону нужно помолиться и перекрестится, Юра обыкновенно отмалчивался, а Ксения отвечала, что «это не важно, лишь бы в душе была молитва. Это — форма, обряд». Мать не понимала смысла этих ответов дочери, но чувствовала, что именно в душе детей стало что-то другое. Иное складывалось у них и отношение к родителям, какое-то высокомерное, презрительное. «Да что ты, мама, знаешь», — огрызалась дочь на наставления матери. Мать, считавшая себя недалекой, ссылалась на отца. «И папа ничего не знает», — отвечала Ксения. Как-то послышала Ирина Васильевна легкий запах табака в комнате Юры и принялась обыскивать карманы в его одежде. Но ничего подозрительного не нашла. Однако решила, что сын курит. — «Не занимаешься ли ты, Юрочка, табачком?» — ласково спросила она сына. Но тот только пожал плечами, не удостоив встревоженную мать ни одним словом. Чем дальше, тем больше мать тревожилась за своих детей. По ночам она молилась за них Богу и часто плакала. «Совсем испортились дети, — говорила она себе, — будут как Ахремовы. Говорила я отцу, что эта наука до добра не доведет, так оно и случилось. Недолго радовался отец».

Завелись у детей и товарищи какие-то особенные: приходят в дом — не молятся, точно нехристи какие, иногда даже и фуражек не скидают. Говорят все что-то несуразное: о каких-то спектаклях, сценах, театрах и т.п. Никогда не поговорят о чем-нибудь хозяйственном или

торговом, о чем-нибудь житейском или нравственном. Юра и Ксения стали ходить в какой-то кружок, на какие-то вечера. Домой возвращаются поздно, возбужденные, раздраженные. Однажды Ирина Васильевна подслушала товарищеский спор в комнате Юры. Шестиклассник реального училища с азартом доказывал, что Бога нет, что есть одна только материя и что человек — продукт миробразования. Ирина Васильевна из подслушанного поняла только одно, что Бога нет. А о каких продуктах и о какой материи говорил товарищ Юры — этого она никак не могла взять в толк. Мать пришла в ужас: «Неужели мои дети — безбожники», — с горечью думала она.

Ирина Васильевна решила поведать мужу все, что она узнала о детях и что думает о них. Пантелеич выслушал жену внимательно и постарался ее успокоить: «Что-нибудь не так, — сказал он ей в утешение, — это какие-нибудь шутки». Но сам сильно встревожился. Последний год он чрезвычайно был занят торговыми делами, часто бывал в разъездах, и поэтому не мог следить за воспитанием и поведением детей. Давно уж он не вел с ними бесед об их учении и успехах. Он решил возобновить свои беседы с учащимися детьми. Не подавая им ни малейшего повода думать, что он знает о совершившейся с ними перемене, он завел с ними за вечерним чаем разговор на тему: как они учатся, что теперь знают, с кем дружат. Еще не начиная разговора, он заметил, что Юра очень небрежно помолвился перед чаем, точно отправлял какую-то неприятную повинность, а Ксения начала пить и есть, не перекрестившись. «Гибнут христианские обычаи», — со скорбью подумал Пантелеич, но не сделал никаких замечаний ни сыну, ни дочери. Из своей беседы с детьми он, как человек опытный, привыкший узнавать людей, к тому же предупрежденный женой, сразу понял, что с Юрой и Ксенией совершилась глубокая перемена: не стало прежней детски-доверчивой любви к отцу, между ним и ими выросла какая-то непонятная стена, мешающая их сближению и пониманию одним другого. На расспросы отца дети отвечали неохотно и даже, как ему показалось, с презрительностью: «что, мол, спрашиваешь, неуч». Юра с намерением вставлял в свои ответы иностранные слова, говорил об изучаемых им предметах таким языком, что отцу действительно было непонятно, о чем собственно сын говорит. Все эти гиперболоиды, параболоиды, дифференциальные и интегральные исчисления или сталактиты, сталагмиты, гейзеры, эстурии, дельты, образии и т.п. мудреные вещи были для Пантелеича китайской грамотой. И раньше встречались в ответах детей непонятные отцу слова, но они подробно разъясняли их, и отец многое уяснял себе из того, что дети изучали. «Учение свет, а неучение — тьма», — повторял он тогда и искренно сожалел, что его не обучили с детства никаким светским наукам. Теперь он еще больше пожалел, что не получил образования, но на сей раз наука показалась ему не светом, а тьмой и большой тьмой, особенно когда он понял всю глубину происшедшей с детьми перемены. В душе заучившихся детей погас огонь веры, ослабела любовь, выветрилась кротость, не стало смирения, искренности, доверчивости, простоты. Все эти истинные и бесценные светочи человеческой души заменились одним разумом: голова просветлела, а душа померкла. Совсем другим стало поведение детей: исчез в них страх Божий, точно они сами стали богами и творцами жизни. Мать жаловалась отцу, что дети нарушают посты и даже смеются над ними, ложатся спать не молясь, встают тоже и совсем не обращают внимания на материнские увещания и сетования. Пантелеич почувствовал в первом же разговоре с детьми, что его авторитет не существует теперь для них, что они смотрят на него, как на неуча, человека невежественного, темного, непонимающего. Бесполезно их уговаривать, услаивать. Все струны их души, на которых так умело отец раньше играл, порваны. Бесцельно было бы действовать на них и угрозами, и наказаниями. Только озлобишь их, сделаешь на всю жизнь врагами.

Что же делать? Родителям было жаль детей до невыразимой боли. Дети погибают, становятся «безбожниками», — это было для Коробова ясно, как солнце. Но выручить их из беды, помочь им, — он был бессилен. Обратился он за помощью прежде всего к своему пастырю — о. Григорию. «Кто же другой должен помогать в таком несчастье, как не пастыри, — думал Пантелеич, — они на то и поставлены Богом. Где-то и в Писании сказано: «взыщу овец моих от пастырей». Юра и Ксения — духовные дети о. Григория, вот он и

должен спасти их от гибели, это первейшая его обязанность». Пантелеич застал о. Григория за завтраком. На столе стояла богатая закуска, ею угощал батюшка купца Гурьянова, торговавшего у о. Григория новый, только что купленный последним, дом. Батюшка занимался покупкой и продажей домов и на этой операции наживал деньги.

— А, Исидор Пантелеич, пожалуйте, пожалуйте, — засуетился о. Григорий, усаживая нового гостя за стол.

— Нет, мне некогда присаживаться к столу, — деловито сказал Коробов, — я к вам, батюшка, по делу: уделите мне несколько минут.

Батюшка и Коробов вышли в другую комнату, и здесь Пантелеич рассказал о. Григорию в кратких словах свое горе.

— Вы, батюшка, — просил Пантелеич, — пришли бы к нам и поговорили бы с детьми от Писания. Вы могли бы на них подействовать. О Боге или о чем Божественном завели бы с ними речь. Они может быть высказали бы свои понятия, а вы им разъяснили бы, как нужно веровать по-христиански, убедили бы их.

Просьба Коробова захватила о. Григория врасплох. Вместо того, чтобы успокоить несчастного отца, сказать ему несколько ласковых слов, которые бывают иногда ценнее золота, о. Григорий обрушился на него с упреками: зачем он отдал своих детей в науку.

— Я вас предостерегал и говорил, что будет плохо, ничему хорошему они там не научатся, — вот так и вышло. Теперь сами и разделяйтесь с ними, как хотите.

— Но ведь вы — пастырь: вы должны помочь гибнущим людям. А Юра и Ксения к тому же — ваши духовные дети,

— Помочь, помочь! — с досадой отвечал о. Григорий. — Чем я помогу? Я никогда не говорил по этим вопросам. Я не подготовлен, я не знаю, что им говорить...

Батюшка старался отделаться скорее от Пантелеича: уж очень не вовремя он пришел с своим горем. В столовой сидит Гурьянов, с ним нужно ехать сейчас к нотариусу — делать запродажную на дом, а Пантелеич завел речь о Боге. До Бога ли тут, когда торговая сделка на носу.

— Вы вот что сделайте, — посоветовал он, наконец, Коробову. — В старых книгах сказано: «аще отец любит своих чад, — да сокрушит им ребра». Построже вздуйте их, скоро блажь-то вылетит из головы, опять станут хорошими детьми. В прежнее время так-то учили. А я ничего не могу поделать, да мне и некогда, — решительно сказал о. Григорий и взялся рукой за ручку двери, давая этим знать, что ему нужно идти к Гурьянову.

Пантелеич не стал задерживать батюшку, распрощался с ним и ушел от своего пастыря разочарованный и обиженный.

«Сокруши ребра, сокруши ребра, — сверлил его мозг этот совет о. Григория. — Какая польза будет от этого сокрушения? Ну, переломаю я детям ребра, будут они калеками, да еще меня могут под суд отдать за это зверство. Надо же посоветовать мне такую штуку! Да если бы ему самому память бока, разве он поумнел бы. Думается, что он и на старые книги наговорил напраслину. В старину, — продолжал размышлять Пантелеич, — вон какие были знаменитые святители: Златоусты, Василии Великие, Афанасии Великие, Григории Богословы. Что-то я не читал, чтобы у кого из них были поломаны ребра. Как печально, — скорбел Коробов, — что теперь нет таких светильников церковных. Теперешние пастыри и заниматься не хотят духовными вопросами. Торговцы они, барышники, а не пастыри».

Пантелеич решил сходить еще к никонианскому священнику, о котором говорили в посаде, что он очень умный и образованный человек. К нему Коробов попал спустя две недели. За это время он еще больше убедился, что дети его отравлены безверием, на все религиозное смотрят свысока и с презрением, и, пожалуй, о. Григорию ничего не поделать с ними. Они только посмеялись бы над своим духовником. «Да он и знает не больше моего».

Пантелеич никогда не бывал в домах никонианских священников и шел к местному священнику с некоторым волнением. Отец Харлампий, как звали священника, был дома, когда Пантелеич позвонил у парадного хода. Его не сразу пустили в дом: прислуга ходила докладывать о. Харлампию о позвонившем госте. Пройдя прихожую, Пантелеич вошел в

большой зал, заставленный мягкой мебелью. Он поднял было руку ко лбу, чтобы, по обычаю христианскому, положить три поклона перед образами, потом уж поздороваться с хозяином. Но нигде, ни в переднем углу, ни на стенах, он не нашел глазами иконы. Пантелеич сконфуженно опустил руку и подал ее о. Харлампию, который стоял перед ним с протянутой рукой. Уже усевшись за круглый стол и разговаривая с о. Харлампием, он разглядел в переднем углу, почти под самым потолком, крохотную иконку. Впрочем он не был уверен, что это на самом деле иконка. «Может быть это крышечка к вентилятору». Воздух в квартире священника был насыщен табачным и сигарным запахом. В прихожей, в которую была отворена дверь из кухни, пахло жареным мясом. хотя это было Рождественским постом.

Отец Харлампий выслушал рассказ Пантелеича о своих детях совершенно спокойно, как будто речь шла о перемене погоды в какой-нибудь далекой стране, и также спокойно, даже как будто бы с некоторой радостью, как показалось Коробову, ответил:

— Теперь время такое: все становятся атеистами, одни по научному убеждению, другие бессознательно. У меня у самого дети ни во что не веруют. Что ж делать? Теперь такая мода.

«И сам-то ты наверное ни во что не веруешь», — подумал Пантелеич и ушел от никонианского пастыря совсем расстроенный. Он метался из стороны в сторону, как раненый зверь, и нигде не находил лекарства для своей семейной раны. Он однако не отчаивался. От отчаяния его спасали твердость его веры, большая сила воли и упорство в делах. К детям он не применял никаких строгих мер. Только однажды дочери отказал сшить новую гимназическую форму к празднику, и когда дочь пришла к нему в комнату настаивать на необходимости иметь новую форму, он, полушутя, сказал:

— Стоит ли, Ксюша, обращать внимание на форму. Внешность никакой цены не имеет. Главное — иметь ум, знание, понятия, а платье — это только оболочка, обряд, неважная вещь, пустяки. В старину говорили: «попа и в рогожке узнаешь». И теперь говорят: «лишь бы в душе было чисто, а наружная молитва ничего не значит».

Бойкая Ксения вступила с отцом в препирательство и стала горячо, как умела, доказывать, что внешность имеет большое значение.

— Как бы ни был умен человек, но его трудно полюбить, если он некрасив. Как бы ни были гениальны мысли, но если они изложены плохим языком, они уже половину теряют в своей цене, а то и совсем обесцениваются. Иначе чувствуешь себя в красивой обстановке, в новом платье: другое настроение, другие чувства, другие стремления. От внешности человек как бы перерождается, совсем другим становится.

— Нет, милая деточка, ты ошибаешься, — поддразнивал отец дочь, в душе радуясь этому так неожиданно открывшемуся обстоятельству: оказалось, он простой шуткой сумел заставить дочь мыслить его мыслями, защищать его веру разными доводами, о существовании которых он и не подозревал. В нем загорелась надежда, что детей возможно отвлечь от безверия, нужно только начать это дело умело и тактично. Вот дочь он уже убедил, что обряд имеет огромное значение. И как мало потребовалось для этого усилий, даже никаких усилий не было, а просто удачная перестановка позиций.

Пантелеич надумал сам переубедить детей. Но для этого нужно много знать. А он что знает? Чему научен? Одной славянской грамоте, только читать в церкви. В отсутствии детей он зашел в их комнаты и пересмотрел их учебники. «Не взяться ли самому поучиться?» — мелькнула у него мысль. «В самом деле, — думал он, — почитаю-ка я эти книжонки. Их не так уж много. Я еще не стар, успею многое узнать из этой науки». Он взял из старых, уже давно пройденных детьми, учебников две книжки — географию и русскую историю, и в тот же вечер, запершись в своей комнате, как будто уже лег спать, принялся за их чтение. К гражданскому чтению он в последнее время привык: приходилось ежедневно читать газеты в виду крупных событий в России. В одну ночь Пантелеич осилил элементарный учебник по географии. В нем он ничего не нашел ни безбожного, ни предосудительного. Немного смутило его утверждение, что земля вертится вокруг своей оси. «Да пускай вертится, — успокаивающе подумал он. — Вон наш Маркелл (дворник), как напьется пьяным, так у него весь мир кружится в голове: и улицы, и дома, и люди. Тут, по-моему, никакого безбожия нет».

География так сильно заинтересовала Пантелеича, что в следующую ночь он опять принялся за нее, и прочитал ее с бóльшим, чем в прошлую ночь, вниманием и с обдумыванием некоторых параграфов. «Хорошая и мудрая книга», — вынес он свой приговор об учебнике по географии. Он даже выписал кое-что из него. С большим интересом он прочитал и краткий учебник по русской истории. Тут он нашел много церковных событий и прочитал о них с истинным наслаждением, особенно о княгине Ольге, о крещении киевлян, о святителе Филиппе. И из этой книги он сделал себе некоторые выписки. Чтение учебников заставило его думать: отчего же дети стали неверующими или может быть только маловерующими? В прочитанных учебниках он не нашел ничего плохого. Напротив — в них так много хорошего, что он искренно сожалел, что не взялся за них раньше, именно с того времени, как отдал детей в школу. Теперь бы он знал не меньше их. Пантелеич обладал острым умом и способностью все схватывать и усваивать быстро и основательно. Он стал усердно читать учебные книги. Чтобы дети не догадались, что он твердил их учебные книги, он для себя купил новенькие учебники и над ними просиживал иногда напролет целые ночи. Ирина Васильевна стала и о муже думать: не зачитался ли и он, и иногда говорила ему: «Как бы и ты не свихнулся». Некоторые учебники не давались ему, например, по математике, по грамматике. но он и их перечитал, как только сумел. «Проглотив» в течение довольно значительного времени большое количество учебных книг, Пантелеич хотя и «не свихнулся», но почувствовал себя как будто бы отравленным: словно он потерял равновесие в своей духовной личности — чего-то в ней стало больше, а чего-то меньше. Стал он как будто каким-то уродом: ходит с уклоном все в одну сторону. Начал Пантелеич по поводу этого уродства размышлять и догадался, в чем тут «корень зла». Все эти науки слишком много пищи дают уму, перегружают его до крайности и ничего не дают сердцу, даже такая наука, как литература, питает один только ум. «Наука, — рассуждал Пантелеич, — это соль жизни, она — очень необходимая вещь. Но одной солью питаться нельзя — погибнешь от такого питания, превратишься, как Лотова жена, в соляной столп. А в учебных заведениях одну только соль и валят в человеческую душу. Ну, понятно, совсем засолили ее — суроп уже потек из нее». Пантелеич даже за себя встревожился немного. «Как бы и мне не просолиться, как селедка. Хорошо еще, что у меня в жизни много других интересов: торговля, семья, забота о совратившихся, то бишь засоленных, детях. И читаю-то я все эти книги не для того, чтобы сделаться ученым, а совсем с другой целью. И то чувствую, что они отяготили меня. А каково-то ученикам и ученицам. Несчастливые дети. Они — мученики».

Пантелеич нашел необходимым освежить себя духовной пищей. Он приобрел Библию и начал читать ее. С трудом он читал первые библейские книги: Моисейские, Царств, Паралипоменон. Зато от Псалтыри, Премудростей и Притчей Соломона, книги Иисуса Сирахова, Пророческих оторваться не мог. Много восторженных похвал мудрости и учености вычитал Пантелеич у премудрого Соломона и у премудрого Иисуса Сирахова. «С раннего утра ищущий премудрости не утомится, — говорит Соломон, — ибо найдет ее сидящею у дверей своих. Помышлять о ней есть уже совершенство разума, и бодрствующий ради ее скоро освободится от забот. Ибо она сама обходит и ищет достойных ее, и благосклонно является им на путях, и при всякой мысли встречается с ними. Начало ее — искреннейшее желание учения» (Прем. Солом. 6, 14-17). «Приобретайте учение и за большое количество серебра, — советует Иисус Сирахов, — и вы приобретете много золота» (Сирах. 51, 36). В этих похвальных отзывах свящ. Писания об учении Пантелеич нашел успокоение своей встревоженной душе. Он начал было упрекать себя, зачем отдал детей в учение. Но Библия оправдывала его: учить и учиться нужно, она советует не жалеть даже больших расходов, лишь бы приобрести знание. «Учение — свет, а неучение — тьма», — опять стал повторять Пантелеич любимое изречение. С Библией он часто ходил к о. Григорию и указывал ему, что необходимо учиться. «Учитесь, батюшка, учитесь, — твердил Пантелеич, — ищите премудрости».

— Да некогда теперь учиться, — отговаривался о. Григорий, не смея теперь идти открыто против учения, в виду требований Библии.

— Как некогда?! — удивленно и почти с негодованием восклицал Коробов. — Барышничать есть когда, а учиться некогда, торговать домами есть время, а искать премудрости — на это нет времени. Я как посмотрю по нашему посаду, то вижу, что самый свободный человек в нем — это вы, батюшка. Только в праздник и заняты службой каких-нибудь 2—3 часа, а остальное время у вас — совершенно свободное. Я человек торговый, обремененный большой семьей, и то нахожу время почитать книги, поразмыслить кое о чем. А вы читали ли когда-нибудь Библию?

Оказалось, что о. Григорий не только не читал Библии, но даже не имеет ее. Это открытие вывело из терпения Пантелеича — обычно спокойного и уравновешенного человека.

— Вот чрез таких-то пастырей и гибнут люди. Вас Господь поставил пасти стадо свое, а вы о нем нисколько не заботитесь, даже не хотите приобрести средств для пасения стада. Сами вы еще на днях говорили мне, что мы, русские, потому и терпим поражения на войне, что у нас нет хороших полководцев. Наши вожди — полные невежды: не знают толком местности, на которой происходят сражения, не знают сил врага, не знают наличности даже собственных военных сил. Не говорим уже о том, что они не имеют понятия ни о стратегии, ни о тактике военной. С такими полководцами армия неизбежно погибнет. Не то же ли будет и с паствой церковной, если и ее вожди будут столь же невежественны и столь нерадивы в своем пастырском деле.

Пантелеич уходил от священника почти всегда раздосадованный. Но через неделю-две снова шел к нему и опять говорил о пастырском долге — заботиться о своей пастве, учить ее жить по-христиански — честно и праведно. «Послушайте, батюшка, — обращался Пантелеич к о. Григорию, — что говорит о нерадивых пастырях пророк Иезекииль: «Горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! Не стадо ли должны пасти пастыри? Вы ели тук и волною одевались, откормленных овец заколали, а стадо не пасли. Слабых не укрепляли, и больной овцы не врачевали, и поранений не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали» (Иезек. 34, 2-4).

Скоро наскучило Пантелеичу ходить к священнику с своими наставлениями и укорами, и он оставил его в покое. «Вот, говорят, что мои дети безбожники, — рассуждал Пантелеич, — но они честнее священника: отдали их учиться, они и учатся, стараются не пропустить ни одного урока, стараются в своих познаниях превзойти друг друга. А этот не хочет пальцем пошевеливать, чтобы исполнить свои обязанности, возложенные на него самим Богом, при том дающие ему «тук и волну». Чем же он лучше безбожников? Он больше всех не слушает Бога. До чего ленив и беспечен — книги в руки не может взять, — негодовал Пантелеич, — как тут не плодиться безбожию?!»

Подолгу читая учебные книги, Пантелеич иногда рассуждал: «что бы это значило: ничего в этих книгах не говорится против Бога, а чувствуется, что они отклоняют от Него, уничтожают веру в Его всемогущество, промысл, в Его творчество, вездесущие, благость. Какое-то коварство скрыто в этих светских науках». От учебников Пантелеич снова переходил к Библии и снова читал премудрости Соломона и Иисуса Сирахова. Эти ветхозаветные мудрецы настойчиво советуют искать знаний, учиться премудрости, которая, по оценке Соломона, «прекраснее солнца и превосходнее сонма звезд» (Прем. 7, 29). Эта мудрость учит «познавать устройство мира и действие стихий, начало, конец и средину времен, смены поворотов и перемены времен, круги годов и положение звезд, природу животных и свойство зверей, стремления ветров и мысли людей, различия растений и силы корней» и вообще «осознание существующего» (ст. 17-20). Этой мудрости учат и светские науки. Углубляясь все более и более в научные книги, Пантелеич подметил существенную разницу между наставлениями священного Писания — искать знаний и мудрости и разъяснениями о мудрых вещах современной науки; он уловил дух ее. Премудрый Соломон говорит, что премудрость «есть неистощимое сокровище для людей; пользуясь ею, они входят в содружество с Богом посредством даров учения. Только дал бы мне Бог говорить по разумению и достойно мыслить о дарованном; ибо Он есть руководитель к мудрости и

исправитель мудрых. Ибо в руке Его мы и слова наши, всякое разумение и искусство делания» (Прем. 7, 14-16). Вот этого «содружества с Богом», которое так необходимо человеку, и не дают современные науки. Нигде, ни при каких случаях, ни одним словом они не обмолвятся о том, что «всякое разумение и всякое искусство в руке Божией». Этой руки светские науки знать не хотят. На место Бога, как Творца вселенной, они поставили ученых людей и только их одних прославляют, как богов. При чтении учебных книг *само собой* прочно складывается убеждение, что все в мире делается людьми. Даже установленные Богом законы природы в учебниках приписаны исключительно людям, разным ученым: один закон — Кеплера, другой — Ньютона, третий — Тициуса-Бодде, четвертый — Вебера, пятый — Фехнера, шестой — еще какого-то ученого и т.д. Что бы хоть мельком сказать, что все эти умные и чрезвычайно сложные законы природы, найденные перечисленными учеными, установлены Тем, Кто создал природу и управляет ею посредством этих законов. Так нет — учебные книги обходят этого Верховного Творца неба и земли. В этом — их первородный грех, ведущий доверчивых поклонников науки к отступлению от Бога. «Погибели предшествует гордость и падению надменность», — верно определяет премудрый Соломон (Притчи. 16, 18). «Ибо многих, — добавляет премудрый Исус Сирахов, — ввели в заблуждение их предположения, и лукавые мечты поколебали ум их» (Сирах. 3, 24). «Хорошая и нужная вещь — наука, — рассуждал о ней Пантелеич, — но своей надменностью, своим упованием исключительно на разум человеческий, своим намеренным замалчиванием Бога она колеблет человеческие умы и ведет их к заблуждению и к гибели. Теперь для меня ясно, — делал вывод Пантелеич из своих рассуждений о науке, — почему наши дети выходят из учебных заведений если не совсем безбожниками, то какими-то полуверами или маловерами. Во-первых, их там пичкают в течение 7—10 и даже более лет одной солью — только научными знаниями; во-вторых, им все это время непрерывно внушают, что сами люди — боги, они — творцы жизни, а о настоящем Боге не говорят ни одним словом, точно Его совсем нет. Представьте, что я мог бы знать, например, о Наполеоне, если бы мне мои преподаватели подробно рассказали о всех его походах, завоеваниях, о всех тех государствах, которые он прошел с своими армиями и покорил их себе, но ни словом не обмолвились бы о самом Наполеоне; твердили бы мне только, что вот — тут-то французские войска одержали такую-то победу, а там-то совершили такой-то беспримерный поход или переход. Я решительно ничего не знал бы о Наполеоне, даже и не подозревал бы, что он когда-либо существовал. Или, что я мог бы знать о каком-нибудь знаменитом художнике, если бы мне подробно рассказали о его дивных картинах, даже познакомили бы с составом красок, которыми написаны эти картины, но ничего не сказали бы о самом художнике. Конечно, я о нем ничего бы не знал и думал бы, что эти чудные картины созданы вот этими малярами, которые краски растирали и о которых с таким увлечением и с такими подробностями рассказывали мне мои преподаватели. Разумеется, такое преподавание по существу было бы ложным. Оно давало бы очень много ценных сведений: в самых мельчайших подробностях я знал бы все подвиги Наполеона, были бы мне знакомы все черты ценных художественных произведений живописи. Но мои познания были бы извращенными: я ценил бы не художников, а каких-то растирателей красок, восхищался бы не гением Наполеона, а французскими или другими какими-либо солдатами. Наука действительно много прекрасного и увлекательного говорит о своих малярах и солдатах — многочисленных ученых, открывших многообразные и сложные законы природы. Но о Настоящем Художнике, создавшем дивный мир и мудро управляющем неимоверно великой армией своих законов, она молчит и не знает Его. Правда, — продолжал размышлять Пантелеич, — в учебных заведениях преподается и Закон Божий, я сам много полезного почерпнул из учебников по Закону Божию; но если во всех учебных заведениях такие законоучители, как о. Харлампий, то, право, они только развращают учеников и вместо Закона Божия получается только позор человеческий. Как многие иконописцы и торговцы иконами распространяют скорее иконоборчество, чем иконопочитание, ибо их небрежное, часто кощунственное отношение к иконам низводит последние на степень обыкновенного

товара, — так и многие законоучители своим поведением и своим неверием вызывают только отвращение к преподаваемому ими предмету. Вместо истинной веры в Бога такие законоучители сеют лишь неверие и безбожие. Если из учебных заведений выходят иногда люди верующие, то это нужно считать чудом, — заключил свои размышления Пантелеич, — должно быть воспитывавшая их семья имела на них чудотворное влияние и спасла их от падения и гибели». Пантелеич чувствовал, что на нем лежит большая ответственность перед Богом за своих детей. Он сумел отдать их в учебные заведения, но не сумел оградить их от тлетворного влияния этих заведений, не снабдил детей «противогазами», и они отравились. Теперь нужно спасать их. Сначала Пантелеич как будто растерялся и бегал за помощью то к своему пастырю, то к никонианскому попу, обращался он за советами и к другим лицам. Себя он чувствовал неподготовленным и неспособным к воздействию на детей: они ученые, а он неуч. Будет он говорить им такие слова, которые им покажутся смешными, а они будут отвечать ему такими, которые будут для него непонятными. Не поймут они друг друга. Пантелеич опасался уронить себя в глазах детей, стать смешным и горько сожалел, что он не получил с детства школьного образования. Но перечитав почти все учебники, некоторые и несколько раз, по которым учились его дети, и ознакомившись с Священным Писанием и его церковным пониманием, он, во-первых, узнал, что учебные заведения не Бог весть какую мудрость дают; во-вторых, почувствовал себя достаточно сильным, чтоб вступить не только с своими детьми, но и с более образованными людьми в спор и рассуждение по вопросам веры. За последние два года Пантелеич успел прочесть кое-что и из христианской апологетической литературы. Детям он не давал ни малейшего повода подозревать, что он к чему-то готовится. Он вел себя по отношению к ним так, что как будто считал их увлечения блажью, незрелостью увлекающихся молодых людей. Когда же познакомился с учебниками и своим острым умом усвоил научные познания, Пантелеич понемногу начал перекидываться с детьми словами по тому или другому вопросу. Обычно это происходило за вечерним чаем, а в праздники — и за дневным чаем и за обедом. Отец вел разговоры весьма политично: он не спорил, не отстаивал своих взглядов и даже не высказывал их, а только расспрашивал или высказывал свои недоумения. Но ставил вопросы так, что собеседники его должны были или отвечать на них в духе его убеждений, или признавать свое бессилие дать удовлетворительное разъяснение или ответ на отцовское недоумение. Больше отвечала отцу словоохотливая и прыткая Ксения, часто она и затевала разговор. Юра редко ввязывался в разговор. Он молчал, прислушивался и все обдумывал в своей упорной, как у отца, голове.

— Сегодня интересный спор был у нас в лавке, — начинал бывало Пантелеич разговор за чаем, заранее придумав небывалый спор, лишь бы иметь нужную тему для беседы с детьми. Пospорил Василий Дятлов с нашим Иваном (приказчиком) о том: вертится ли земля или стоит неподвижно. Иван говорит: «вертится земля», а Дятлов твердит свое: «нет, не вертится. Ты мне, — говорит, — покажи, что она вертится, тогда я тебе поверю». Так и ушел при своем мнении.

— А ты, папа, как думаешь — вертится земля или нет? — подхватывала нетерпеливая Ксения.

— Да я согласен с наукой, как она учит, — с заранее обдуманной хитростью отвечал отец. — Помнишь, ты мне все доказывала, что только то достоверно в мире, что люди сами могут видеть и ощущать. Вот мы видим, что солнце идет, а земля стоит, это только и достоверно для нас.

— Нет-нет, папа, — загорячилась дочь, — наука доказала, что земля вертится вокруг своей оси и ходит вокруг солнца.

— А как же ты мне говорила, что можно верить только тому, что сам видишь?

— Да то в другом смысле. Астрономы имеют огромные телескопы, и в них они видят, что земля вертится.

— Ну, не мели вздора, — заметил Юра. — Никто не видел, да и видеть не может, что вертится земля. Верчение доказано не телескопом, а наблюдениями.

— Наблюдениями!? — удивился отец. — Я всю жизнь наблюдаю и вижу только одно:

земля неподвижна, а солнце каждый день всходит и заходит.

— Не наблюдениями, это Юра неверно сказал, — поспешила дать свои объяснения Ксения, — а логическими выводами: например, земной шар имеет сплюснутую форму, воздух движется быстрее на экваторе, чем вблизи полюсов, один берег у рек крутой, а другой пологий и т.п. Все это показывает, что земля вертится.

— Ну, это неубедительно, Ксюша, — заметил Пантелеич. — Вот и в нашем доме один бок больше, а другой меньше, и ветер дует в комнатах различно. Значит и наш дом вертится около своей оси?

— Все это чепуха, — неожиданно выпалил Юра, вставая из-за стола. — Никто ничего верно не знает. Вертится земля или не вертится, — это только выводы, предположения.

Отец был доволен таким результатом разговора. Ему было ясно, что дети его неодинаково воспринимают научные выводы: Ксения им верит безусловно, а Юра относится к ним критически.

— Значит, Ксюша, — заключил Пантелеич, — не все в науке доказывается зрением и ощущением. Многое удостоверяется только выводами, умозрением.

В другой раз отец спросил Ксению:

— Видала ли ты когда-нибудь запах?

— Странный вопрос, — удивленно отвечала дочь, — запах разве можно видеть, его можно только слышать.

— Слышать? — в свою очередь удивился отец. — Разве запах имеет звуки?

— Слышать *обонянием*, — поспешила поправиться Ксения. — Все, что существует в мире, — разъясняла она, — мы воспринимаем различными органами чувств: зрением видим очертания, цвета, движения; слуховым органом воспринимаем звуки; а обонянием слышим запах и т.д. Только этими органами человек и может удостоверяется, что существует в мире.

— Вот как! Это интересно, — удивлялся отец и продолжал расспрашивать дочь, ведя свою заранее обдуманную линию. — Ну, а если бы у людей не было обоняния, как бы тогда наука могла узнать, что существуют в действительности разные запахи — и дурные, и хорошие, и скверные и приятные?

— Мы тогда бы совсем не знали, что есть в природе такие ее свойства.

— Но на самом деле эти свойства все же были бы в природе, хотя мы и не могли бы знать о них?

Ксения не сразу ответила на этот вопрос, она что-то обдумывала. Она как будто догадалась, что вопрос отца, такой простой и почти наивный, в корне разрушал ее утверждение, что будто бы в мире только то достоверно, что люди могут воспринимать своими телесными органами чувств.

— Ты все, папа, ставишь вопросы какие-то мудреные. Нас этому не учили.

— А не учили, так и не задирай нос со своей наукой, — раздраженно произнес все время сидевший молча Юра. Он недолго любил свою сестру за ее назойливость, за ее манеру вперед всех выдвигаться, похвастаться своими знаниями, за ее несдержанность и излишнюю прыть. Брат читал уже серьезные книги, к учебникам относился несколько свысока, много он и размышлял над разными вопросами, замкнувшись одиноким в своей любящей уединение душе. В нем происходила внутренняя работа, и он стал, если не постигать, то смутно догадываться, что отец в глубине своей души мучается безверием или, как определил Юра, увлечениями своих детей.

— Есть, папа, — начал отвечать отцу Юра вместо ступевавшейся на этот раз сестры, — много таких явлений в природе, которые нельзя понять обычным научным исследованием. Никто, например, не станет отрицать таких психических состояний, как любовь, радость, тоска, уныние, страх, ужас, отчаяние и т.п. Но мы их познаем или по личным переживаниям, или по физиологическим их проявлениям у данного субъекта.

— Стало быть и душу человека можно узнать только таким способом? — спросил отец.

— Душа, душа, — повторил задумчиво Юра, — это вопрос сложный, — и уклонился дать на него отцу свой ответ. Сын еще не преодолел в себе материалистического понимания

души, но не хотел огорчить отца решительным отрицанием самостоятельной сущности души. Вопрос отца так и остался без ответа.

После нескольких подобных разговоров с детьми Пантелеич стал увереннее в самом себе. В нем крепла надежда, что детей можно избавить от охватившего их «наваждения». Почувствовал он, что и дети стали относиться к нему серьезнее, как к человеку кое-что знающему, умеющему разбираться в разных мудреных вопросах.

Однажды Ксения, возвратившись с вечерних занятий, сразу заговорила за столом, еще не успев прийти в себя после пережитых на уроке впечатлений.

— Какой интересный был у нас сегодня урок, — восторженно рассказывала она, — мы видели, как резали труп человеческий. Доктор нам на опыте разъяснял анатомию. Я видела своими глазами человеческое сердце: какое оно кровавое и страшное. Знаешь, папа, нам доктор в заключение сказал, что он в своей жизни очень много изрезал человеческих тел и ни в одном не нашел души...

Пантелеич вспылил от такого сообщения дочери, но немедленно подавил в себе гнев. Он не на дочь свою разгневался, его возмутил поступок доктора. «Вот такие мерзавцы, — подумал он, — и развращают малоопытных и доверчивых учеников». Отец поспешил задать дочери вопрос, вытекавший непосредственно из ее сообщения. Пантелеич рад был всякому случаю поговорить с детьми на религиозные темы или по каким-нибудь научным вопросам.

— А совесть есть у вашего доктора? — спросил Пантелеич Ксению.

— О, он очень хороший человек. Говорят, с бедных людей совсем ничего не берет за лечение.

— И ум есть у него? — снова спросил отец.

— Ну, к чему, папа, такие вопросы? Ты обиделся, что доктор, отрицает душу. Он очень умный человек.

— Нет, нисколько не обиделся. Мне только хотелось бы на опыте проверить твои утверждения. Ты говоришь, что у вашего доктора есть и совесть, и ум. Вот, когда он умрет и его будут резать в анатомическом отделении, я пойду посмотреть, где у него была совесть и большой ли у него был ум.

— Этого нельзя видеть в человеке, — без всякого соображения возразила дочь.

— Как нельзя видеть? — по обыкновению удивленно отвечал Пантелеич. — Ведь ум и совесть на самом деле существуют, а не есть только воображаемые вещи. Без них человек был бы — скотина неразумная. Вот и хотел бы я видеть их в трупе вашего доктора, особенно его ум, раз он такой умный человек, что даже душу разыскивал в изрезываемых им покойниках.

Ксения стала в тупик от такого неожиданного вопроса отца и не находила, что отвечать ему. Воспользовавшись замешательством дочери, у которой как-то сразу прошел весь пыл, отец продолжал.

— Дурак ваш доктор, — вот что я тебе скажу. Если бы он был умным, то не стал бы в мертвом теле искать души. Она нематериальна, как ум, как совесть, как слово человеческое. Видеть ее нельзя, но она бесспорно есть, существует так же действительно, как действительно наше тело, наш физический мир.

К удивлению дочери, отец ее развивал очень глубокие мысли о душе, обнаружил серьезные познания в вопросах духовного мира. Прежний авторитет отца, перед которым она в детстве так доверчиво преклонялась, когда он наставлял ее в вопросах старообрядческих, сразу восстановился в ее глазах. Она почувствовала превосходство познаний отца перед своими познаниями.

— А я, папа, — как-то виновно заявила Ксения, — непременно спрошу нашего доктора, в каком месте у него находится совесть. Попрошу, чтобы он показал нам в трупе человеческий ум.

Ксения после этого стала вдумчивее, иногда размышляла над вопросами отца и приходила к заключению, что наука многого не дает и многого не знает и знать не может. Отец между тем продолжал с детьми свои беседы по разным вопросам, наводящим на

признание сверхчувственного духовного мира.

— Сегодня любопытные вещи рассказал мне в лавке наш почтмейстер про свою собаку, — начал Пантелеич обычный свой разговор за чаем. — Он держит маленькую комнатную собачонку, но какую умную — удивительно! Собака узнает душу человека, его характер — злой он или добрый, с хорошим ли намерением пришел к хозяину или с дурным. Если хороший человек, собака около него ластится, виляет хвостом, готова ему ноги лизать; если же злой, дурной, то она лает на него, злится, готова броситься ему в лицо и загрызть этого человека. И никогда, — уверял почтмейстер, — собака не ошибется, — всегда узнает человека своим каким-то внутренним чутьем. Вот, если бы Бог людям дал такую способность, мы были бы избавлены от многих бедствий и несчастий и между собой жили бы мирнее, по-братски.

Сообщение отца подхватил сын Юра. Вопреки обычному своему состоянию молчания, он разговорился и очень долго говорил, рассказывая необычайные случаи из жизни собак и о поразительных способностях их, удивительном инстинкте их. Юра, как оказалось, увлекался охотой и был близко знаком с миром собак. Юра рассказывал с таким жаром и с таким увлечением, что и отец, и мать, и даже беспокойная Ксения, и остальные дети Пантелеича слушали его с затаенным дыханием, точно превратились в неподвижных и мертвых статуй. Начав рассказывать об охотничьих собаках, Юра перешел к рассказу о собаках-сыщиках, о собаках-разведчиках. Перед семьей Пантелеича живо предстал какой-то новый мир необычайных, чудесных животных с чудотворными способностями. Собаки не только узнают зверя за целые версты, узнают, где он спрятался, но и каков зверь; не только разыскивают преступников по следам их и безошибочно указывают, кто именно совершил преступление, но они предугадывают намерения неприятеля, предсказывают наступления его, распознают перебежчиков, изменников, предателей. «Удивительные животные! — восклицал Юра, — они понимают человека лучше, глубже, безошибочнее, чем сам человек со всеми его талантами и знаниями».

— А знаете ли что, — сделал отец неожиданный вывод из сообщений сына, как тот только кончил свои увлекательные рассказы о собаках, — хорошо, что человек не имеет таких способностей, как собака. Он теперь во многих отношениях хуже этого животного — и по характеру, и по нравственным качествам, и по жизни, а посмотрите, как он задирает свой нос кверху, богом себя воображает, творцом жизни, а настоящего-то Бога, сотворившего жизнь и знать не хочет, не признает даже Его существования. А что если бы Бог дал человеку не пять только чувств, а семь, восемь, десять или больше, что бы тогда с ним было? Подобно сатане, он, несомненно, полез бы на небо ставить себе престол повыше Творца вселенной. Право, очень разумно устроил Господь, что собаке дал такие поразительные способности, а человеку не дал их. Пусть человек смотрит на это животное и учится познавать мудрость Божию, для этого Бог дал ему душу разумную и понятную речь.

— Человек может развить у себя такие же способности, какими обладает собака, — заметил Юра, — про знаменитого доктора Захарьина рассказывают, что он, бывало, носом проведет по руке больного человека и узнает, чем он болен. Психология учит, что близкие между собой люди — друзья или влюбленные или супруги, живущие, что называется «душа в душу», понимают друг друга на полуслове, или даже без слов, по одному выражению глаз, лица, незначительному кивку и т.п. признакам. Есть действительно с такими проникновенными глазами люди, что могут узнавать злых и добрых людей.

— В Чети-Минях, — вставил Пантелеич, — рассказывается о дивных старцах-прозорливцах: они узнавали когда умрет тот или другой человек, предсказывали бедствия, грозившие народу, или грядущую радость и другие многие чудеса творили.

Если бы отец сослался на этих чудотворцев при других обстоятельствах, Ксения непременно сказала бы: «Чепуха, этому верить нельзя» и отошла бы от отца с кислой гримасой на лице. А теперь она слушала отца и брата со вниманием, с большим доверием.

— В человеке, — продолжал философствовать Юра, — заложены разнообразные таланты, и если их развивать, напрягать, изоощрять, то действительно человек может творить

необычайные дела. Возьмите, например, такого писателя, как Достоевский, он в такой степени изощрил свой талант — чувство проникновения в грядущие судьбы человека, что многое предугадал. То же и другой писатель-философ Вл. С. Соловьев. О, есть великие гении среди людей!

— Я читал, что древние пустынные, — опять кстати сделал отец соответствующую вставку в речь сына, — до того углубленно молились Богу, с таким напряжением своей воли, мысли, всех своих чувств, что зрели Господа, как Свет Фаворский.

— Все может быть, — как-то машинально произнес Юра и прекратил речь. То ли он был недоволен вставками отца, то ли он исчерпал свою речь, но он больше уже не возвращался к ней, наконец, встал из-за стола и ушел в свою комнату. Отец тоже ушел к себе, на этот раз особенно довольный своим разговором с детьми. Может быть ему еще не следовало бы быть столь прямолинейным, каким он проявил себя в этом разговоре. Но он замечал с каждым разом все яснее и яснее, что дети стали относиться к нему иначе. Пантелеич, противник всяких иностранных слов, начал в своих речах нередко употреблять такие слова, как реальный, мистический, принцип, эволюция, материализм, пантеизм, монизм и т.п. Раньше эти слова были для него мучением, но, запасшись словарем иностранных слов, и прежде всего терпением, на которое Пантелеич был богат, он понял весь смысл этих слов. Он и теперь их не любил, и пускал их вход с единственной целью — произвести ими впечатление. Он подметил, что стоило кому-либо среди интеллигентных лиц пересыпать свою речь «принципами» да «реальностями», как он сходит за человека образованного и даже ученого, и к нему проявлялось уже иное отношение, чем к неучу, — его слушают, ему внимают, ему верят. Пантелеич и на детей производил впечатление, между прочим, и этими словами.

— Откуда, папа, ты все это знаешь? — удивлялась дочь, которая, наконец, стала признавать, что отец больше ее знает.

— Поживешь с мое, — отвечал уклончиво отец, — больше еще будешь знать. Тебе ведь только девятнадцать лет, а мне, слава Тебе, Господи, сорок пять.

Пантелеич любил иногда задавать детям вопросы из пройденных им наук и все с тою же целью, чтобы доказать, что наука многого не знает и не может знать. Однажды он спросил Ксению:

— Откуда произошли славяне?

— Славяне, славяне, — затруднялась сразу ответить Ксения. — Кажется из предгорий Карпат. Так ведь Юра? — обратилась она к брату.

Тот небрежным кивком головы подтвердил ответ сестры.

— А к Карпатам откуда они явились? Я спрашиваю собственно об их первоначальном происхождении — откуда они вообще произошли?

— Этого историческая наука не знает, — вместо Ксении ответил Юра и весьма решительным тоном.

— Не может быть, — возразил отец не менее решительно и с напускным видом серьезного недоумения. — Я где-то читал, что наука знает, что было двадцать-тридцать и даже, кажется, сто миллионов лет назад. Знает даже, как жили люди в какой-то железный и каменный и еще какой-то век — не то глиняный, не то деревянный, словом самый первоначальный.

— То другая наука изучает — палеонтология.

— Так она вероятно и знает, откуда произошли славяне? — допытывался отец.

— Нет, не знает, — неохотно отвечал Юра. — Прошрое мы знаем только по сохранившимся памятникам. Сохранились памятники от народа, — мы можем знать о нем по этим памятникам, а не сохранились, — мы тогда ничего о нем не можем знать. Историческая наука до сих пор не знает, откуда произошли такие, например, народы, как скифы, гунны, авары, финны, литва и т.п. и вероятно никогда этого не узнает.

— Удивительно, — недоумевал Пантелеич, а как же наука знает, что было на земле миллионы лет назад. Не знает того, что, так сказать, под носом у нее лежит, а изучает то,

чего, быть может, никогда не было. Странная наука!

— Такие науки, — объяснял отцу Юра, — как геология, палеонтология, антропология и т.п., основываются на различных предположениях, вычислениях, выводах, догадках. Тут возможны ошибки и даже курьезы. В одном месте, на довольно значительной глубине, была найдена учеными большая куча кремневых ножей. Ученые, приняв во внимание слой земли, в котором были найдены эти ножи, пришли к заключению, что здесь была жизнь человеческая десятки и, может быть, сотни тысяч лет назад. Но потом было установлено, что на этом месте был завод кремневых ножей и существовал он совсем в недавнее время.

— Что же это за наука, — восклицал негодуяще Пантелеич, — это — бабьи сказки, какие-то басни, небылицы. Ври, сколько влезет, — и это наука! Она только затемняет истину. Вот так наука, а есть еще легковерные головы — верят ей.

— Ну, так откуда же славяне произошли, Ксюша? — неожиданно обратился Пантелеич к дочери.

— Не знаю, папа, — этому нас не учили, — ответила Ксения сердито, обиженная настойчивостью отца.

Разговор что-то не клеился. Юра молчал, дочь обиделась. Отец счел лучшим прекратить беседу. Поднявшись из-за стола, он ушел в свою комнату и, по обыкновению, принялся за чтение книг.

Пантелеич вел с детьми свои любимые беседы не каждый день: он по-прежнему соблюдал меру осторожности и такта. Заводил он речь по вопросам религии и науки только при удобных случаях, пользуясь для сего расположением детей, их настроением или вызываемый на эти разговоры вопросами самих детей.

— Прошлую ночь, — однажды начал разговор Пантелеич с детьми, — я наблюдал интересный свет на небе, какое-то сияние, оно исходило из того места, где пред тем была вечерняя заря. Не знаете ли, что это за свет такой? — обратился он за разъяснением к детям, «ученость» которых он стал уже слегка критиковать, уверенный, что он, начитавшись учебников и иных книг, понимает в науках не меньше их.

«Ученые» дети не могли дать ответа отцу. Самолюбивый Юра встал из-за стола и принес учебник по метеорологии. Порывшись в нем, он ответил:

— Это, по всей вероятности, зодиакальный свет.

— А что это за свет такой? — снова спросил отец.

— «Природа зодиакального света еще не открыта, как и его точная форма, — прочитал Юра в книге «Метеорология». — Думают...»

— А, думают! — иронически подхватил отец.

— «...Думают, — продолжал читать Юра, — что это скопление мелких тел, обращающихся около солнца. Еще более загадочным представляется явление «отблеска», — так называется слабое сияние, которое иногда удавалось замечать на ночном небе в стороне прямо противоположной солнцу».

— Да, вон чего еще не знает наука, — снова полунасмешливо заметил отец. — А я думал, что она, как Бог, все знает. — Пантелеич взял из рук Юры учебник по метеорологии, с которым он уже хорошо был знаком и даже запомнил нужные ему страницы.

— Интересная книга, очень интересная, — повторял Пантелеич, перелистывая «Метеорологию». На одной странице он, как будто случайно, обратил внимание на следующие строки: «Высокие поднятия над поверхностью земли обнаружили новое, *непредвиденное и еще необъяснимое явление*: на высоте около 8 верст обнаруживается слой воздуха постоянной температуры, выше которого наступает не понижение, а повышение или, как говорят, инверсия температуры».

— А говорили, — заметил Пантелеич, — чем выше, тем холоднее в воздухе. Оказывается это неверно: недавняя метеорология ошибалась, а потом будут доказывать ученые, что и эта «Метеорология» (отец приподнял над столом книгу) неверна. Наука, видно, как наши базарные торговки: вечно ругаются и изобличают во лжи друг друга.

— В науке ничего нет устойчивого, — философски заметил Юра, — она меняется, как

погода. Одни гипотезы разрушаются, на место их возникают другие. Различные научные проблемы чередуются, как морские приливы.

Перелистывая далее учебник, Пантелеич еще остановился на одной странице. Здесь было сказано: «Образование дождя происходит так: при постепенном увеличении водяных капель, как вследствие осаждения на них пара, так и вследствие слияния нескольких маленьких капель в большие, скорость падения их увеличивается, и они начинают падать на землю в виде дождя. Естественно является вопрос: почему же не из всякого облака идет дождь? Несомненно, для того, чтобы вызвать увеличение и слияние капелек, нужен какой-то толчок, какая-то особая причина; эта причина до настоящего времени еще не выяснена».

— А как же ты, Ксюша, — обратился отец к дочери, — мне говорила, что ученые все-все знают, знают от чего происходит дождь, гром, молния. А вот тут сказано, что они не знают от какой причины происходит дождь.

Ксения молчала. Отец продолжал рассуждать.

— Я сам наблюдал неоднократно: набежит маленькое облачко, совсем реденькое; казалось бы, от него не может быть дождя, а смотришь — целый ливень разразится. А то наблюдаешь, как собираются густые, черные тучи, от них станет даже темно, ждешь чуть ли не потопа от них, а они грозно пройдут, не бросив на землю ни единой капли. Отчего это? Видно, как ни вертись, а без Бога не обойтись. Как истинно слово священного Писания, что Он «покрывает небо облаками и приготовляет для земли дождь» (Псал. 146, ст. 8). Все в Боге и без Него «ничто же бысть, еже бысть» (Иоан., гл. 1, ст. 3).

Путем таких вопросов и бесед с детьми отец окончательно убедил свою дочь Ксению, во-первых, в том, что наука очень многого не знает и не в силах знать, что на нее нельзя безусловно полагаться и что одни ученые опровергают других; во-вторых, что отец ее, о котором она отзывалась раньше презрительно, как о неуче, разбирается во многих вопросах науки гораздо серьезнее, глубже и основательнее, чем она, перешедшая уже в 8-й класс гимназии. Она была уверена, что отец знает даже больше, чем Юра, который читает большие, серьезные книги. В некоторых затруднительных вопросах она стала обращаться не к Юре, а к отцу. Пантелеичу это весьма льстило. Своим успехам он был рад, как школьники младших классов. Он как-то выразил желание побывать в ученическом кружке, которым прежде так увлекались его дети и который, несомненно, в сильной степени повлиял на их души, и послушать в нем «умных» людей, как назвал Пантелеич членов кружка. Дочь поддержала это желание отца. Но как попасть в кружок? Туда не пускают посторонних лиц. Можно его созвать в своем доме, и тогда отец будет присутствовать на заседании кружка на правах хозяина дома. Был назначен вечер, в который члены кружка должны собраться в доме Пантелеича. Зал в доме Коробовых был довольно вместительный, обставленный приличной мебелью и даже устланный коврами. Как и во всех комнатах дома, в зале, в переднем углу висел большой образ старинного письма в хорошем стильном киоте. Перед образом в зале постоянно теплилась лампада, по ночам отбрасывавшая мягкий красноватый свет, придававший всему залу, лишенному другого какого-либо света, какой-то мистический характер. Пантелеич любил молиться в этом зале: здесь легко создавалась подлинное молитвенное настроение. В этом зале должен был собраться и ученический кружок.

Еще утром того дня, на который назначен кружок, Ксения пристала и отцу с просьбой, чтобы он принарядился к заседанию кружка «по-европейски», как выразилась она: надел бы пиджачную пару, крахмальную сорочку и манжеты. «Галстух должен быть непременно черный», — настаивала Ксения. Пантелеич редко ходил в немецком платье. Он предпочитал ему русский, свободный, нигде не стесняющий кафтан и простую косоворотку без всякого «крахмала». Дома обычно ходил в рубахе, подпоясанный поясом с кистями. Русский костюм к нему очень шел. Пантелеич выглядел в нем здоровым и красивым, любящим ширь и простор русским богатырем. В немецком же куце пиджаке он чувствовал себя, как в узком мешке, и казался в нем точно пришибленным и связанным. Он и на заседании кружка хотел быть в своем любимом русском одеянии. Но дочь так настойчиво и умильно упрашивала его нарядиться «по-европейски», что он должен был уступить ее просьбам, лишь бы не

расстроить вечер. Однако он не сразу сдался на уговоры дочери. Он воспользовался удобным случаем, чтобы разъяснить дочери значение в жизни, тем более в религии, обряда и форм. Как и прежде, года три назад, когда дочь просила новое платье себе, Пантелеич сказал Ксении:

— Не все ли равно, в каком я одеянии буду — в русской ли косоворотке или в немецкой крахмалке? Это же только форма, пустая внешность.

— О, нет, папочка, — затараторила дочь, — русская поговорка говорит: «по одежде встречают, а по уму провожают». В простой непринятой одежде и в дом не пустят. А коли не пустят, то и не узнают: есть ли у этого человека ум или нет. По той одежде, какую носят люди, можно судить об их вкусе, об их положении, об их даже характере.

— Ах, какие вы обрядоверы, формоверы, одеждоверы, вы — интеллигенты, образованные люди 20-го века! — притворно возмущался отец. — Нацепишь на шею эту черненькую тряпочку (галстух), и вот тебя считают интеллигентным человеком, европейцем; а явишься в русской косоворотке, скажут: «мужик», «азиат». Даже мысли-то ваши какие-то тряпичные, земные, выше воротников да галстухов они не поднимаются. То ли дело было в старину: благочестивые люди мало обращали внимания на обряд, на форму: какую одежду ни надел — все хорошо, лишь бы прикрывала грешное тело. А теперь стараются так одеться, чтобы казаться раздетыми, чтобы все срамное было видно. Тьфу ты, пропасть какая! — выругался Пантелеич.

Дочь не слушала его, она была несказанно рада, что отец будет на вечере в «европейском» костюме. Ксения побежала готовиться к вечеру: нужно было приготовить заранее закуску, сласти, чай.

Пантелеич продолжал один рассуждать об обрядоверности образованного общества нашего века. «Нет у него — этого общества ни Бога, ни души, а одни лишь страсти греховные и гнусные. Вот на днях я вычитал у Достоевского об этих людях: «Понимая свободу, как приумножение и скорое утоление потребностей, искажают природу свою, ибо зарождают в себе много бессмысленных и глупых желаний, привычек и нелепейших выдумок. Живут лишь для зависти друг к другу, для плотоугодия и чванства. Иметь обеды, выезды, экипажи, и рабов-прислужников — считается уже такою необходимостью, для которой жертвуют даже жизнью, честью и человеколюбием, чтобы утолить эту необходимость, и даже убивают себя, если не могут утолять ее... Я знал одного «борца за идею», — продолжает Достоевский, — который сам рассказывал мне, что, когда лишили его в тюрьме табаку, то он до того был измучен лишением сим, что чуть не пошел и не предал свою «идею», чтобы только дали ему табаку. А ведь этакий говорит: «за человечество бороться иду». Ну, куда такой пойдет и на что способен?» («Братья Карамазовы», ч. II, кн. VI, гл. III, стр. 362). Прав, тысячу раз прав Достоевский! — восклицал Пантелеич, прохаживаясь по мягким коврам зала. — Люди нашего времени живут исключительно для плоти, для своих страстей, поэтому им дороги все внешние вещи — наряды, платье, обстановка, формы, обряды. За эти вещи они действительно пойдут на предательство, на страдания, даже на смерть, потому что им не за что больше умирать. Без этих обрядов что же у них останется? Ничего! Наше время — страшное обрядоверие, до пошлости вещеверное: культурные люди верят в новомодные сорочки, в галстуки, запонки, ботинки, шнурки и т.п. дребедень. А еще современные историки свысока пишут про старое время, что оно-де было обрядоверным. И не стыдно такую клевету плести! В старину у благочестивых людей всего-то и обрядов было только два: крестное знамение да поклоны. Теперь любой историк, избличающий старое время в обрядоверии, выполняет аккуратно и с суеверной преданностью сотни таких обрядов, о которых прежние люди даже понятия не имели. Этих обрядов тогда и в помине не было. Ох, вы обрядоверы, — вздыхал Пантелеич, — ох, вы вещеверы, формоверы, одеждоверы, усоверы, брадоверы, табаковеры, плотоверы! А еще образованные люди! Ученые! Посмотрю сегодня, что за публика соберется к нам: тоже какие-нибудь нюховеры и галстуховеры».

Пантелеич ушел в магазин взволнованный. Но дорогой успел успокоиться и принялся

за торговое дело с обычным у него спокойствием и деловитостью. Сегодня он пораньше закрыл магазин, чтобы успеть дома нарядиться в немецкий костюм и встретить гостей.

Молодежь стала собираться к назначенному часу весьма исправно: точно у всех часы шли минута в минуту. К восьми часам все уже были в сборе. Собралось более 30-ти человек, из них 2/3 — девицы, все уже довольно взрослые — «невесты», как определил их про себя Пантелеич. Все они были одеты в весьма чистенькие платья, сшитые чрезвычайно узко: трудно было девицам свободно ходить, сидеть и поворачиваться; того и смотри — лопнет юбка. «Мода, проклятая мода! — возмущался про себя Пантелеич, — это их бог, от которого ничем не отворотить этих молодых идолопоклонников».

С большим любопытством наблюдал Пантелеич за собравшимися в его дом гостями. Каждая девица имела в руке сумочку-ридикюль; большинство ридикюлей были на шнурках. Эти сумочки, не выпускаемые из рук, напомнили Пантелеичу лестовки. «Как в старину благочестивые иноки и пустычники постоянно держали в руке лестовки и перебирали на них бубенчики для молитвы, так теперь девицы и женщины носят в руках эти сумочки». Пантелеич заметил, что барышни поминутно заглядывали в свои ридикюли: то достанут, из них платочек носовой, то вытащат крохотное зеркальце и незаметным образом заглянут в него, то книжечку записную вынут и что-то запишут в ней; иные доставали из ридикюля маленькие ножницы, ногтечистки, зубочистки, какие-то коробочки с кисточками и другие забавные вещицы. «Сколько там всяких орудий и всяких средств для служения плоти, — удивлялся наблюдательный Пантелеич. — Непрестанно молятся они своему богу», невольно всплыло ему на ум наставление апостола Павла: «непрестанно молитесь» (Фесс. 5, 17). У большинства из девиц на руках были еще муфты. «Это что-то вроде наших подручников, — проводил Пантелеич аналогию. — Гм! — ухмылялся он, — да тут стариной пахнет». Некоторые из девиц, даже сидя за чаем, не выпускали из рук ни ридикюля, ни муфты «Трогательная преданность к современным лестовкам и подручникам», — восхищался Пантелеич. Наблюдательные глаза его зорко следили и за молодежью мужского пола. Среди них оказалось четверо уже давно окончивших реальное училище и когда-то состоявших членами ученического кружка, из них один — в студенческой форме. Как выяснилось, это был естествоиспытатель, приехавший из столицы погостить в родной посад. Он, как заметил Пантелеич, пользовался большим авторитетом в кружке: к нему часто обращались с различными запросами члены кружка и около него больше увивались барышни. Мужчины были чисто выбриты, выхолены, все в модных костюмах, но прически у них были различны: одни причесаны были по-английски, другие по-французски, третьи по-испански. Как видно было, молодые люди весьма усердно трудились над своими волосами. Особенное внимание Пантелеич обратил на голову студента. Последний имел роскошную шевелюру: целая копна волос украшала его голову: волосы были разделены на две половины тщательно проделанными к середине головы проборами; курчавые, старательно завитые волосы спускались очень низко, закрывая даже уши. Студент нередко дотрагивался рукой до своих волос, слегка ощупывая их, словно желая убедиться — тут ли они находятся. «Сколько же часов в день требуется этому господину для служения одним лишь волосам, — думал Пантелеич, любясь шевелюрой студента, — наверное все утро возится с ними, да на бритье бородки сколько уходит времени, да на одеванье всех этих крахмале — воротничков, манжет, запонок, галстухов». Долго подсчитывал он в своем гибком уме, сколько тратится времени современным интеллигентом на служение наряду, внешности, — обряду и пришел к ужасающему выводу: почти вся жизнь современного человека уходит на служение плоти. «Вот так усердные идолопоклонники! — возмущался Пантелеич до глубины души своей, — вот они-то ужасные обрядоверы и вещеверы! Что если бы они, — продолжал он рассуждать, — с таким усердием служили духу, душе, внутреннему человеку, они превзошли бы древних знаменитых подвижников, были бы великими святыми и быть может чудотворцами. Как жаль, что эти люди променяли человеческую душу — эту величайшую ценность, на какую-то мелочь — на волосы и тряпки. Пантелеич заметил, что мужчины, собравшиеся на заседание кружка, установили срочное и правильное сообщение со двором: сначала он не догадывался,

что бы это значило, что они так часто бегают на двор — не животы ли у них болят? Но потом дело выяснилось: все они бегали покурить, так как в доме Пантелеича курить не допускалось. «Несчастливые мученики, — смеялся Пантелеич, — табачный бог совсем замучил их: то и дело вызывает он их на служение себе. И они, бедные, бегают на поклонение ему, прикладываются к его кафельнице и кадят ему дьявольским фимиамом. Эх, вы, идолопоклонники, каким только мерзостям вы не служите!» — осуждал их в своей душе Пантелеич и искренно жалел их, — таких безвольных, рабски пресмыкающихся перед разными богами нашего времени, самыми пошлыми и ничтожными. Много и других идолопоклоннических черт подметил Пантелеич за молодыми людьми. Станный мир предстал перед ним с весьма странными и курьезными правилами поведения, обычаями, привычками, наклонностями. Глядел Пантелеич на собравшихся гостей и думал: «Люди ли это? Ничего-то подлинно человеческого, жизненного, духовно-разумного не заметно в них. Это какие-то бездушные автоматы, какие-то бессознательные зверьки своеобразного мира».

После чая и закуски открылось заседание литературного кружка чтением годового отчета о Деятельности кружка. В отчете сообщалось, сколько состоялось в отчетном году кружковских заседаний и какие были заслушаны на них рефераты и сообщения. Затем один из членов кружка прочел доклад о творчестве И.С. Тургенева. Доклад вызвал некоторый обмен мнений: участники кружка говорили впрочем больше о стиле Тургенева, чем об его творчестве. Только один студент, увенчанный богатой шевелюрой, обратил внимание на типы, созданные творчеством Тургенева и, говоря о них, он почти незаметным образом перешел к вопросам религии и начал развивать теорию материализма. «В мире существует только материя, только ее существование очевидно и бесспорно, — философствовал студент. — Все же остальное в мире подчинено материи и есть ее продукт или функция. Ничего духовного в мире нет и быть не может. Так называемой души нет ни в человеке, ни в другом каком-либо существе».

Пантелеич почти без интереса прослушал отчет о деятельности кружка, а также реферат о творчестве Тургенева, — и в это время он усиленно наблюдал за поведением собравшихся гостей и подмечал характерные черты в их движениях, одежде, взаимных отношениях. Но когда студент перешел к вопросам религии, Пантелеич весь превратился во внимание: он всеми силами старался уловить и усвоить все мысли этого обрядового атеиста, понять смысл всех его слов. «Материя, — продолжал развивать свое положение студент, — состоит из атомов, т.е. мельчайших неделимых частиц различной величины и различной формы. Движение этих атомов, их деятельность и составляет то, что мы называем жизнью. Только существование материи для нас очевидно и бесспорно, — повторил студент, — ничего чудесного в мире нет и быть не может».

— А как же вы представляете себе мысли человеческие? Неужели и они материальны? — задала вопрос студенту девица Киселева, высокая блондинка, выделявшаяся среди своих товарищей степенностью в поведении, серьезностью в рассуждении. На нее Пантелеич обратил внимание еще за чаем, и тогда она показалась ему сосредоточенной, деловитой, углубленной. Она мало разговаривала, еще меньше заглядывала в свой ридикюль. И одета она была скромнее всех остальных членов кружка. По ее вдумчивому, умному лицу, по ее манере держать себя в обществе, можно было заключить, что она интересуется и живет вопросами иного порядка, чем окружающая нас действительность. Вот и вопрос ее студенту показался Пантелеичу таким серьезным, что от него должна была в прах разлететься вся теория материализма, которую развивал этот богатый шевелюрой атеист. Однако студент сразу ответил на него, точно был подготовлен к нему заранее.

— Мысли, конечно, материальны: они есть выделения мозга, точно так же, как, например, желчь есть выделение печени.

— Но позвольте, позвольте, — начала горячо возражать студенту блондинка, — желчь и вообще всякое выделение из желез вы можете видеть, осязать. А мысли разве вы можете видеть? Разве их можно взять в руки и ощупать, каковы они — твердые или мягкие, длинные или короткие. Они не имеют протяженности. Значит они — духовны, не материальны.

— Что же вы хотите этим сказать? — вместо возражения по существу, только этим вопросом ограничился студент.

— А то, — отвечала блондинка, — что раз мысли не материальны, а духовны, то они и происходят от духовной сущности, а не от материальной. Стало быть кроме материи существует еще духовный мир, духовная сущность. Стало быть есть дух, душа, они именно управляют материей, дают ей движение, жизнь.

Столь основательный и энергичный отпор материализму, данный высокой блондинкой, заставили и Пантелеича вступить в разговор с «учеными» людьми, как называл он с оттенком иронии членов.

— Позвольте и мне сказать несколько слов, — начал он, и его взгляд в этот момент случайно скользнул по лицу Юры. На нем он заметил неудовольствие своим выступлением, вернее сказать, тревогу за отца, как бы он не высказал какой нелепости и этим не выставил себя в смешном виде перед этими «господами», мнящими себя умными и знающими людьми. Юра страдал болезненным самолюбием, и провал отца больно задел бы это самолюбие. Но из дальнейших слов отца он увидел его тактичность и сразу успокоился, даже поддержал его в одном вопросе. Пантелеич именно спрашивал, а не рассуждал; не возражал, а высказывал лишь свои недоумения. Это — очень удобная позиция, и на ней он стоял твердо.

— Как вы объясните такой факт, — продолжал Коробов-отец. — Года три тому назад нашего общего знакомого, Петра Григорьевича Бурлыкина ужалила ядовитая змея в руку. Рука мгновенно вспухла и Бурлыкину грозила смерть. Были приглашены к нему все врачи нашего посада, но они ничего не могли поделать. Кто-то из родственников Петра Григорьевича, — кажется, не сама ли жена его, — догадалась в тот же день съездить в село Макуни за тамошним знахарем. Тот приехал, погладил руку Бурлыкину, что-то пошептал над ней, и опухоль стала быстро проходить. Приговоренный к смерти Петр Григорьевич здравствует донныне. Как вот объясните этот факт? — обратился Пантелеич к студенту.

— Чепуха! — воскликнул студент, — этого не может быть.

— Как не может быть? — раздалось несколько голосов членов кружка, — это всем нам известный факт, весь посад об этом знает.

— Мне не известны такие явления и, сказать откровенно, — заявил атеист-материалист, — я им не верю.

— Лично со мной был такой случай, — сообщил Пантелеич еще один поразительный, факт, — лет пять тому назад я заболел так называемой рожей. Более двух недель не мог выходить из дома, все время лицо у меня было забинтовано. Всех наших врачей я приглашал, они мне делали всевозможные примочки, смазывания, натирания. Но ничто не помогло. Еще хуже и безобразнее становилось лицо. Посоветовали мне выписать из Колыванихи местную женщину, какую-то Елистратовну, о которой говорили, что она успешно лечит. Признаться, я с недоверием отнесся к этим рассказам. Но в отчаянии пойдешь на все. Решил пригласить эту Елистратовну. Что же вы думаете! Она совершила со мной чудо: погладила по моему лицу рукой, и рожа в три дня сошла. Лицо стало чистым, здоровым, никаких следов от болезни не стало.

— Удивительно! — сквозь зубы процедил студент, не решаясь опровергнуть этот факт и не зная, чем его объяснить. С материалистической точки зрения он совсем необъясним.

— Эта Елистратовна и нашу няню вылечила, — сообщила еще об одном ее лечении гимназистка Морзенко. На теле у нашей няни появились какие-то страшные лишай, переходившие в струпья. Чем только она их не лечила. Мама возила ее в Москву лечить, но и там не помогли ей. Тогда мы пригласили эту Елистратовну, и она вылечила няню. И как просто: взяла уголек и обвела им вокруг лишаев, они сошли, что-то очень скоро — в 3—4 дня.

— А помните историю с нашим исправником, над которой мы долго еще тогда смеялись, — припомнил Пантелеич, — он тоже вылечился у деревенской бабы. Сильно болела у него поясница, какой-то «Утин» был у него, — говорят, так называется эта ломота в костях. Куда только он не ездил лечиться. А ломота все не проходила. Обратился он, наконец,

к деревенской лекарке. И та вылечила его. Да еще таким странным способом: острием топора сделала примерную насечку на пояснице, т.е. с размаху, как будто бы имела намерение пересечь исправника в больном месте, а на самом деле едва дотрагивалась топором до поясницы. И болезнь прошла.

— Это гипноз, — как-то нехотя произнес студент, пришибленный сообщенными фактами.

— А, гипноз! — торжествуя заявила Киселева. — Значит мы должны признать существование и духовного мира, а не материального только. Гипноз немыслим без духа.

— Почему бы обо всех этих фактах не сообщать в газетах? — спросил Пантелеич, обращаясь в сторону студента. — Они очень заслуживают серьезного внимания. Тогда, может быть, многие перестали бы отрицать существование духовного мира.

— Ну этого не напечатают газеты, — презрительно отвечал студент и провел слегка рукой по своей шевелюре, точно убеждаясь — тут ли она? Чего доброго, она может под влиянием одних только этих странных разговоров улетучиться, и тогда останется он лысым, облезлым. А эта «материя» приводила его в ужас. Уж лучше пускай существуют в природе какие угодно духи, лишь бы цела и неприкосновенна была копна его волос: такой сильной верой и любовью проникся он к ней.

— А вы верите в чудеса? — спросил студент Пантелеича, причем произнес этот вопрос с такой интонацией в голосе, в которой явно звучала насмешка над чудесами. Но Пантелеича ничуть не смутила эта насмешка. Он ответил на вопрос атеиста уверенно и твердо:

— Верю и не могу не верить, потому что я — христианин, признающий Бога и Его всемогущую силу.

— Но почему же они не совершаются в наше время и мы ничего не знаем о них? — снова спросил студент.

— Вероятно, мы не достойны того, чтобы для нас совершались чудеса, — ответил Пантелеич. — Чудеса Бог совершает. Мы не можем заставить Его по нашему капризу или для нашего удовольствия творить чудеса. В противном случае какой бы он был Бог, если бы мы им повелевали. Кроме того чудеса даются только по вере — пламенной, сильной. Сырые и спички не горят. А вы хотите, чтобы чудеса творились без веры, по одному лишь закону. Таким способом чудеса не совершаются. Да и какая польза была бы, если бы вот сейчас совершилось какое-либо чудо, вы ведь все равно не поверили бы. Не верите же вы сообщенным вам фактам о необычайных средствах лечения. Да если бы вы и поверили чуду, когда оно при вас совершилось, то ведь остальные миллионы людей не поверили бы ему. Пришлось бы для каждого из них творить чудеса. Потребовалось бы тысячи миллионов чудес. Но Бог создал одно величайшее чудо — мир. Достаточно одного его, чтобы верить в Бога и в Его всемогущество.

— Все же странно, что теперь нет чудес. В старину, как передают различные сказания, их было много. А мне думается, что их и тогда не было, раз их теперь нет, — с некоторым ликованием произнес студент-атеист.

— Ну, это неверный вывод, — возразил Юра, все время молчавший и следивший за отцом. Он радовался за отца, что тот так умело вел разговор и поставил студента в безвыходное положение. Он решил поддержать отца, хотя быть может и не разделял его всех положений. Вывод же студента о чудесах ему показался совсем нелепым и он решил возразить ему.

— Нельзя же серьезно, — продолжал он, — опровергать прошлое только на основании того, что теперь нет. Мало ли чего теперь нет. В настоящее время нет гениальных полководцев. Неужели вы решитесь делать отсюда вывод, что никогда не было ни Александра Македонского, ни Ганнибала, ни Наполеона, ни Суворова и т.п. военных гениев? Сейчас нет таких богатырей мысли, как Сократ, Аристотель, Платон. Можно ли поэтому утверждать, что их никогда и не было, что рассказы о них — выдумка, нелепые басни? Классическая эпоха расцвета греческой мысли вот уже более 2.000 лет не повторяется и вероятно никогда не повторится. Стало быть, по-вашему, этой эпохи совсем не было?

— Но от нее остались памятники: скульптурные, архитектурные, философские, — возразил студент, — по ним мы удостоверяемся в том, что такая эпоха в античной Греции была.

— Такие памятники существуют и в христианстве, — поспешил заметить отец Юры. — Уже одно то, что вся Римская империя, т.е. весь мир признал Плотника из Назарета своим Богом есть видимое чудо. Этого факта никто не станет отрицать. Затем, многочисленные храмы, созданные в память совершавшихся чудес, свидетельствуют, что эти чудеса были. О чудесах передают св. апостолы, великие святители, умиравшие за Христа, мученически скончавшиеся. Разве можно думать, что они говорили неправду, писали выдумки? Тогда кому же верить? По-моему, существование чудес достовернее существования в свое время Александров Македонских, Аристотелей и других великих деятелей.

— В христианстве был такой период, который можно сравнить с классической эпохой Греции, — продолжал Юра прерванную отцом речь. — Это — первые три века христианской истории. Они потом ни разу не повторились. Но ведь не станете же вы их отрицать только потому, что их нет теперь и что они никогда уже не повторялись. Тогда были мучители, поэтому были и мученики. Тогда было много чудес, потому что было много веры. Теперь ни того, ни другого нет — ни мученичества, ни чудес. А вот появятся мучители, будут и мученики, загорится сильным пламенем вера, начнут совершаться и чудеса.

— Да чудеса и теперь совершаются, — добавил Коробов-отец — только мы не знаем о них, потому что в газетах о них не печатают, да и не станут печатать. Как рассказывают очевидцы, при раке св. патриарха Ермогена в Москве почти ежедневно творятся чудеса. При открытии мощей св. Анны Кашинской много чудес совершилось. О некоторых из них было даже и в газетах напечатано. Мы только почему-то не обращаем внимания на эту милость Божию. Стараемся не помнить о ней, а какие-нибудь пустяки держим в голове всю жизнь. Я вот только сию минуту вспомнил об одном чуде, свидетелем которого был лично сам. Лет десять тому назад я посетил наш старообрядческий монастырь близ посада Клинцов, Черниговский губ. Туда привезли «бесноватую» женщину, чтобы о ней помолились старцы. Это была тщедушная, больная, едва переставляющая ноги старушка. Казалось ребенок может ее осилить. Но когда при чтении св. Евангелия за литургией она стала бесноваться, то ее с трудом удерживали пять здоровенных мужчин, такую огромную силу она проявляла. Во время же причащения ее не могли удержать и эти силачи. Она вырвалась из их рук и с такой стремительностью бросилась из храма, что и на лошади ее не догнали бы. Она произносила брань на святых и на священника, совершавшего литургию.

Особенно она бывала нетерпеливой и буйной, когда читалось Евангелие и когда совершалось св. Причастие. Недугом этим она страдала более пяти лет. Но по молитве старцев она в каких-нибудь 3—4 дня избавилась от беснования, получила св. причащение и стала вполне здоровой — духовно, конечно, а телом оставалась по-прежнему сухенькой, слабенькой. Скажите, разве это не чудо: во-первых, проявлять такую необычайную силу, чтобы еле живую старушку не могли удержать пять дюжих мужчин; во-вторых, что она бесновалась именно во время, так сказать, особенно священных моментов богослужения (в остальное время она бывала спокойна), и, в-третьих, что она избавилась от недуга беснования по молитвам старцев и по принятии св. Причащения?

Никто из присутствующих не ответил на вопрос Пантелеича. Произошло неудобное молчание всего собрания. Пантелеич поспешил добавить.

— Вы как хотите, господа, понимайте этот случай, но для меня он — чудо. И таких и других чудес, нужно верить, совершается много и в наше время. Но мы их не видим, даже не хотим видеть, нисколько не интересуемся ими. Поэтому они нам и не известны. Если бы нам и сообщали о них, мы, по своему неверию, только посмеялись бы над ними, сказали бы: чепуха, вздор, сказки и т.п.

Пантелеич говорил с такой искренностью и с такой теплотой чувств, что казалось весь зал внимал ему с верой в чудо. Даже атеист студент сидел в каком-то оцепенении: то ли он напрягал свои мысли, чтобы возразить хозяину дома, то ли погрузился в безнадежное

состояние и потерял способность мыслить. Но даже и в этот момент он не забывал нежно ощупывать свою шевелюру. Для него она была дорогой святыней и быть может чудом, в которое он несомненно и безотчетно верил.

Как только Пантелеич кончил говорить, заговорила высокая блондинка Киселева.

— Да ведь чудо доказано научным путем, — начала она, — и его не смеет отрицать ни один серьезный ученый, если, конечно, он не ставит выше всего свое безверие, может быть с детства привитое ему атеистическим воспитанием.

— Где же это вы нашли научное признание чудес? — полунасмешливо спросил ее студент, очнувшийся от своего оцепенения.

— Как где? — почти с возмущением отвечала блондинка, — это вам должно быть более известно, чем мне. Я читала об этом в книге Челпанова «Мозг и душа».

— Кто такой Челпанов? — нетерпеливо спросил Пантелеич. Для него это было целым откровением, что серьезная наука, да еще нашего безверного, развращенного времени, удостоверяет действительность чудес. Он с недоверием отнесся к заявлению Киселевой, несмотря на то, что проникся к ней глубоким почтением и уже рисовал в своей голове план, как бы устроит брак ее с Юрой, кстати, она — старообрядка и весьма порядочного семейства, хотя и небогатого.

— Это Георгий Иванович — профессор философии в Московском Университете, — ответила блондинка. — Он в то же время состоит директором единственного в России Психологического Института. Челпанов — знаменитый ученый. Он читал лекции и за границей, между прочим в Америке.

— Так что же он говорит о чудесах? — еще с большим нетерпением спросил Пантелеич. Он был в восторге от этой неожиданной союзницы своей по вере. Он почувствовал в себе больше смелости отстаивать свои верования и еще больше уверенности в своей правоте.

— В его книге «Мозг и душа», — объясняла блондинка, — приводится поразительный факт. У одной верующей, сильно и беззаветно верующей, — добавила союзница Коробова, — девушки появились на ладонях и на боку кровавые раны. Ученые люди подвергли ее исследованию и удостоверили, что эти раны появились вследствие того, что эта девушка постоянно думала о страданиях Христа и Его ранах, полученных на Кресте. В этом направлении дух ее в такой степени развился, что он изменил физическое ее тело.

— Ах, как это интересно! Замечательное явление! — в упоении восклицал Пантелеич. Его голос даже изменился; он получил какой-то молитвенный оттенок: мягкий, сладостный.

— Нельзя ли эту самую книгу Челпанова видеть? — почти умоляюще спросил Пантелеич.

— Да я сейчас ее вам принесу, она у меня есть, — ответила блондинка и мигом отправилась домой за книгой.

Книга была немедленно принесена. Пантелеич с благоговением читая ее название: «Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. 5-е издание Москва 1912 г.».

Блондинка отыскала нужное место и прочитала о появлении «стигмат» (так названы кровавые раны) у набожной девушки и объяснение ученых, что эти раны появились вследствие ее постоянного памятования Христовых страданий.

— О «стигматах» можно прочесть, — пояснила Киселева, — в любом энциклопедическом словаре (под словом Стигматизм), да даже в простых словарях иностранных слов есть о них краткие сведения.

Пантелеич в таком был восторге от этого научного доказательства, что готов был целовать и книгу Челпанова, и барышню, принесшую ее и даже чуть не запел: «Побеждаются естества уставы». Он побежал к себе в кабинет и принес оттуда толстую книгу, напечатанную крупным славянским шрифтом.

— Вот у меня свой Челпанов, — торжественно произнес Пантелеич и положил книгу перед студентом. — Вот прочтите-ка это место, — предложил он атеисту, проповедывавшему

материализм.

— Это что за книга? — раздались вопросы с разных мест.

— Это — Четия-Минея, жития святых. Вот прочитайте-ка, — опять обратился Пантелеич к студенту, — вот это место в житии св. Игнатия Богоносца (20-го декабря).

Студент что-то неохотно отзывался на предложение Пантелеича. Он привстал немного с мягкого стула, на котором сидел, пощупал сначала волосы на своей голове, потом стал ощупывать кожаный переплет книги, застежки, бумагу. Но к чтению не приступал.

— Интересная книга, — произнес он сквозь зубы.

— Вот, пожалуйста, это место, — снова указал Пантелеич студенту, где нужно читать.

— Да вы сами прочитайте, — уклонялся студент от чтения.

— Нет, нет! вы прочтите, — уговаривал Пантелеич, — убедитесь, так сказать, своими собственными глазами, что тут написано: ведь материалисты только тому верят, что сами увидят и сами ощупают. Пожалуйста, пожалуйста, читайте, — не отставал от студента хозяин дома.

Студент успел уже отвернуться от книги и попрочнее погрузиться в мягкий стул.

— Что же вы! — удивился Пантелеич этому поведению материалиста.

— Да я, — засмеялся атеист и сдвинул свою фигуру: вид ее показался Коробову жалким, каким-то умоляющим: пощадите мол, — я плохо разбираюсь в славянской письменности.

— Как? — почти вскричал от удивления Пантелеич, — не может быть!

Он не допускал, чтобы человек с высшим образованием, ученый, решающий величайшие вопросы веры и религии, не мог читать церковной книги. Но оказалось, что студент действительно не знал славянской грамоты. В свое оправдание он сказал, что и все студенты высших учебных заведений и даже многие профессора не могут читать славянских книг.

«Вот они где безграмотные люди, — подумал Пантелеич. — От этого-то они по большей части и безбожники, — от незнания, от безграмотности. А ведь на эти самые книги, которых они даже читать не умеют, говорят, что все это — сказки, чепуха, небылица. Несомненно, вот и этот гусь, — Пантелеич презрительно окинул взглядом сморщившегося и сжавшегося на стуле атеиста, — ругал Четии-Минеи, подрывал их сказания, называл баснями, а сам никогда в глаза не видел этой книги. Чтобы эти «ученые» сказали обо мне, если бы я стал утверждать, что нет на свете ни Америки, ни Африки, ни Австралии, потому что я их сам не видел и сам их не исследовал. Сказали бы: невежда, дурак. А сами они как поступают с нашей верой, нашей церковностью, нашими книгами?»

Эти мысли пронеслись в голове Коробова с быстротой молнии. Он не остановился на них, а крикнул своему сыну, сидящему вдали от него:

— Юра, прочитай-ка ему вот это место.

Пантелеич произнес эти слова с такой выразительностью, что смысл их был таков: «поучи-ка ты этого дурака, как нужно читать святые книги».

Юра прочел указанное место с намеренной выразительностью, точно рекламируя свое умение читать славянские книги. В прочитанном месте говорилось, что св. Игнатий с такой силой постоянно мыслил о Христе, носил Его в своем сердце, что самое имя Христово получило начертание на его сердце, отчего он и получил название Богоносца.

— Ну как, господа, можно верить этому чуду или нет? — обратился Пантелеич ко всему собранию. Поставь он этот вопрос в другое время, ответ получился бы, конечно, отрицательный: все бы ответили, исключая, может быть, умной и начитанной Киселевой, что это — выдумка, что ничего подобного не может быть и что вообще никаких чудес не бывает. Но теперь, когда предварительно было прочитано из книги проф. Челпанова удостоверение ученых людей, что одними мыслями о Христе можно вызвать даже раны кровавые на своих ладонях и на боковой части тела, — после этого было немисливо опровергать факт изображения имени Христова на сердце св. Игнатия Богоносца. Одни из присутствовавших молчаливо, другие кивком головы, третьи заявлением согласились, что нельзя отрицать этого факта. Только один студент оставался в положении пришибленного человека и словно не

понимал, что происходит вокруг него.

— Этот факт удивительно совпадает с расследованием, изложенным в книге Челпанова, — сказала блондинка и подойдя к книге, еще про себя прочитала сказание о начертании Христова имени на сердце св. Игнатия Богоносца. Она прекрасно разбиралась в славянском тексте. Это обстоятельство увеличило ликование Пантелеича. Он чувствовал себя торжествующим победителем.

— Господа, — обратился он к гостям, — вы уже утомились разговорами. Не угодно ли чаю откушать. Пожалуйте к столу.

Все уселись пить чай, но студент, приглаживая свою шевелюру, поспешил распрощаться с хозяевами и товарищами по кружку и покинул дом Коробова. После чая и остальные гости разошлись.

Так прошло и закончилось первое в доме Коробова собрание литературного ученического кружка. Оно дало Пантелеичу не только душевное торжество, но и богатую пищу для размышлений. Кроме того оно оказало большое влияние на детей Коробова, особенно на Ксению. Она все время присутствовала на собрании кружка, и хотя была занята ухаживанием за гостями, приготовлениями к столу, но не выпускала из внимания возникший на собрании спор о чудесах и была искренно рада за удачное выступление отца и за его победу над студентом. Она завидовала и своей подруге Киселевой и решила брать у ней серьезные книги для чтения, чтобы и самой знать столько, сколько знает та. Пантелеич по-своему оценивал собрание кружка. Ему хотелось понять склонность и увлечения молодых людей, заглянуть в их душу, узнать чем они живут, чем интересуются, есть ли у них цель жизни, по крайней мере, думают ли о жизни. Он воссоздавал в своей прочной памяти всех лиц, участвовавших в собрании, вглядывался в каждое из них, прислушивался к его голосу, проверял его движения, манеры держать себя, поведение. Относительно всех членов кружка он пришел к печальному выводу: все это легковверные, ветреные люди, мало думающие о жизни и совсем ее не знающие. Только одну Киселеву Пантелеич выделил из всего собрания, как яркую звездочку на мрачном небосклоне. По-видимому, она много думает и много читает. Остальные же ничего серьезного не знают, нахватались может быть только кое-каких верхушек. При этом Коробов горько сетовал и о себе, что с молодых лет не принялся за учение, винил в этом и своих родителей. И снова думы его обращались к молодым людям. Он не смел их винить за их легковверие и ветренность.

«Их так воспитывают, они растут в таких условиях, в каких выращиваются тепличные растения. Ничего здорового, свежего, жизненного им не дают. В школах набивают их слабые головы всевозможнейшей трухой, — как только они еще выдерживают — не треснут: счастье, что эта труха быстро выветривается. Но от этого голове не лучше: она остается пустой. А что дома им дают? Современные родители совсем не воспитывают детей. Нельзя же считать воспитанием кормежку и наряды. О дочерях родители только и думают — как бы выдать их замуж: с этой целью их наряжают, заботятся об их теле, внешней красоте. О здоровом духе тут не может быть и речи. О сыновьях думают, как бы устроить им карьеру: поменьше бы работать им, да побольше бы получать. Все родительские заботы и печали о детях сводятся к животной стороне человека — сытости, физическому благополучию. Не людей мы воспитываем, не высшее разумное создание Бога, а животных. Что же удивительного, если получают такие же результаты, к которым мы сами ведем: что посеешь, то и пожнешь. В той общественной среде, в которой вращаются дети, ничего нет также воспитательского: тут веет тленом, разложением. Даже вот этот литературный кружок, с виду приличный, по задачам симпатичный, больше живет мелкими интрижками, кокетничаньем, игрой в любовь и т.п. А ведь можно бы этих молодых людей направить на истинный жизненный путь, заинтересовать их более существенными вопросами, чем творчество Тургенева или нелепый материализм. Как жаль, что в их среде нет знатоков христианской веры. Они могли бы многое сделать здесь. А теперь в кругу молодежи даже как-то неловко говорить о Боге, о религии, о душе. Это все равно, что в среде интендантов говорить о бесчестности и безнравственности взяток. Там честных людей считают дураками

и стараются всеми силами выжить их как опасных предателей. Тяжело и невыносимо верующему человеку в среде неверов. Сама по себе среда эта без всяких слов давит душу, стесняет волю, парализует разум».

Пантелеич только теперь со стыдом вспомнил, что даже его, человека твердых убеждений и решительного характера, придавила какая-то неведомая сила этой среды: он сел за стол с молодежью, не помолившись, и чай пить стал, не перекрестившись. Он припомнил, что ему хотелось совершить этот христианский обычай, но мгновенно на него напало какое-то темное наваждение, и он нарушил постоянное свое правило, которому никогда не изменял с самого детства своего. «Какая-то дьявольщина осилила меня», — с досадой произнес Коробов. Он винил себя немилостиво за этот проступок, совесть его была в тревоге и терзала его своим беспокойством. «Ведь совсем нетрудное дело — взять да перекреститься, — размышлял Пантелеич, — но вот не перекрестился, как будто кто-то цепью приковал мою руку. А говорят еще, что бесов нет на свете; кто же тогда удержал меня от креста? Ложный стыд, конечно. Но кто его так мгновенно зародил во мне, какая сила?» Он долго не мог успокоиться. Ему стыдно и неловко было перед детьми: они несомненно подметили эту «измену» отца, скажут теперь: «к нам требователен, а сам так вот и не помолился и не перекрестился перед чаем». Пантелеич решил загладить этот свой грех: «вот еще соберется у нас это собрание, я заставлю всех их молиться». Уже улегшись спать, он все еще продолжал думать о своем проступке, — «малодуший», как он его определил. «Осуждаем мы детей, требуем от них исполнения всех христианских обычаев, чтобы нигде и никогда они не нарушали их, а сами-то — слабы и малодушны в этом деле. Да, страшная это сила — среда. Недаром сложилась поговорка: «среда заела». Она совсем может засосать человека, искалечить, убить. Среда — это все равно, что атмосферное давление: наступит такая сумрачная давящая на душу погода, и хотел бы быть добрым, веселым, а она тебя давит, тоску нагоняет и ничего с этим не поделаешь и никуда от этого давления не скроешься, — никакие стены и никакие запоры не спасут. Так и в теперешнем светском обществе властно и тиранически господствует дух отрицания и подчиняет себе и разум и волю всех, кто попал под его власть, покоряет он и случайно попавших под его влияние людей. Вот дух этот как бы выгнать из общества, развеять это тяжелое проклятье человечества! О, это — тяжелый труд. Он немислим без милости Божией. Тут нужно чудо». С такими мыслями Пантелеич, наконец, заснул.

Шалаев.

Из ж. «Голос Церкви» М., 1918 №3 С.145-161, №4 С.210-217, №6 С.297-308, №7/8 С.353-357.